

СОЗВЕЗДИЕ МУЗ

НЕ УБАЮКИВАТЬ — БУДИТЬ МЫСЛЬ

НАШ СОБЕСЕДНИК — ЗАСЛУЖЕННЫЙ АРТИСТ ЭССР, ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ КОМСОМОЛА ЭСТОНИИ, ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР МОЛОДЕЖНОГО ТЕАТРА КАЛЬЮ КОМИССАРОВ.

— У Козинцева в «Пространстве трагедии» читаю: «В музее Хиросимы я обратил внимание на поведение школьников. В зале, где выставлены ужасающие экспонаты — то ничтожно малое, что сохранилось от людей и жизни в зоне, зараженной стронцием, — мальчики помирали от хохота; они играли в какую-то игру, школьный учитель никак не мог собрать их вместе, уговорить... Видимо, и следы страданий, и слова о страданиях стали для новых поколений нереальными, относящимися не к сравнительно недавнему прошлому, а к праистории или древним легендам, выдумкам о том, чего на деле и быть не могло».

Григорий Михайлович Козинцев написал эти слова, работая над «Королем Лиром», одной из самых философских и самых больших шекспировских трагедий. Он размышлял над тем, как донести до сегодняшнего зрителя, пережившего самую страшную войну в истории человечества, мысль гениального драматурга о полюсах жизни: человечности и бесчеловечности.

— То есть еще десять лет назад, — а «Король Лир» вышел на экраны в начале 70-х годов — режиссера волновало то обстоятельство, что боль человеческая сама по себе не сохраняется во времени и в пространстве. Ее хранит память, и мы должны научиться передавать ее детям.

— В эти дни мы отмечаем 40-летие освобождения республики от фашистских захватчиков, в будущем году наступит 40-летие Великой Победы. Как донести до юных величие подвига советского народа, чтобы от многократного повторения известных фактов не появилось верхоглядство, не выработалась, страшно сказать, привычка к самому слову «война».

— Меня это тоже очень тревожит. Как режиссер, имеющий дело с молодежной аудиторией, я должен сказать, что это не такой простой вопрос, как кажется.

В наши дни между поколениями дедов и отцов, с одной стороны, и детей — с другой, кроме всего прочего, есть еще одна существенная разница, не учитывать которую могут только очень легкомысленные люди. Разница эта обусловлена обстоятельством, которым мы все по праву гордимся, как проявлением человеческого прогресса, а именно: наше поколение было последним, воспитанным на газетах, книгах, библиотечках. Наши дети уже воспитаны на визуальных средствах информации.

Та масса информации, которая воспринимается ребенком благодаря телевидению, не идет ни в какое сравнение с той, что получает он через библиотеку. Сразу же огово-

рюсь для особо ретивых: я не отрицаю влияние книг. Я считаю, напротив, что никогда телевизор не заменит книгу. Но нельзя не считаться с тем, что нынешние дети в свои 7—10—13 лет благодаря телевидению уже увидели целый свет. Их уже мало что может удивить, они привыкают как к обилию информации, так и к ее содержанию. И чтобы поразить их воображение, затронуть их чувства, нужно самому волноваться.

Прошло то время, когда факты говорили сами за себя. Трагтовка факта зависит и от того, под каким углом зрения его подают. Одно и то же событие можно снять совершенно по-разному — и то, и другое будет документальными кадрами. В наши дни пропаганда стала наукой, и ее законы надо изучать и учитывать, иначе мы рискуем получить обратные желаемому результаты. И это касается всех аспектов нашей жизни, в том числе и искусства. Кого может убедить и сагитировать правильный, но скучный или спектакль? Да никого, он только вред принесет. И сколько бы галочек мы ему не ставили за правильность (темы, повтора, аспекта), скука прописных истин девальвирует всю его ценность.

Я говорю это и как зритель, и как режиссер, набивший себе немало шишек в поисках выразительности, затрагивающей за живое. Конечно, это не значит, что надо идти на всевозможные ухищрения, чтобы зритель усидел перед экраном, перед сценой и так далее. Ни в коем случае — ни к какому трюкачеству я не призываю. Я ишу другого. Да, поразить — но не зрение и слух, а душу и сердце зрителя. Чтобы остановился, оглянулся, задумался... Чтобы не было разлада между знанием и пониманием.

— Наверное, надо здесь вспомнить ваш знаменитый спектакль «Процесс», принесший вам премию комсомола Эстонии. Спектакль антифашистский, страстный, где накал чувства не загонялся вглубь, а выплескивался в песнях-зонгах, исполняемых ансамблем «Руя». С тех пор тоже прошло добрых десять лет, выросло новое поколение зрителей, а уроки «Процесса» не устарели?

— Для меня — не устарели, и устареть не могут. Ну и надеюсь, для какой-то части зрителей — тоже. Сколько писем тогда получил театр! Мы устраивали специальные конференции, опросы, то есть была налажена самая настоящая обратная связь со зрителем, был диалог с ним. Мы сразу же получали отраженный сигнал, и по силе отражения понимали, где мы сделали все, что

могли, а где еще не дотягиваем.

Кстати, странная вещь происходит с этой самой обратной связью. Кто ее должен налаживать? Тот, кто заинтересован в результате своих усилий, так? Пока же, у нас в республике по крайней мере, бесперебойная обратная связь налажена только по вопросам легкой музыки, тут и опросы общественного мнения, и таблицы популярности. Я не хочу сказать, что в области легкой музыки не надо проводить социологических опросов. Но ведь есть же вещи несравнимо более важные, и по поводу их никто не спешит узнать мнение зрителей.

Мы сами, те, кто занимается пропагандой, а театр — это тоже средство идеологического воздействия, — слишком часто попадаем в плен штампов, уже изобретенного, нам нужно самих себя теревить и тормозить, чтобы не останавливались, чтобы искали новые средства выразительности, чтобы не успокаивались.

— Для наглядности примера — сейчас бы вы «Процесс» ставили по-другому?

— «Процесс» принадлежит своему времени. За десять лет изменились не только мы, изменился мир, изменилось положение в нем.

Искусство должно будить мысль, а не убаюкивать ее. И я думаю о другой постановке, о «Процессе-85». Очень бы хотел поставить. В будущем году рядом с Великими Победой. И рядом с ним — трагический юбилей атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Хотелось бы сделать антивоенный спектакль — процесс над атомной бомбой. Конечно, для молодежи, и на языке, близком молодежи. Был раньше в театральном искусстве такой жанр — мистерия. Жанр, мы бы сейчас сказали, космический — в нем присутствовали и небо, и земля, и ад. И чистые, и нечистые. Очень был хороший жанр, недаром же его использовал Маяковский. Я бы хотел поставить рок-мистирию. Рано, конечно, говорить о своих планах, но это то, над чем думаю сейчас — как разговаривать с нынешним зрителем на темы войны и мира, чтобы он не просто понял, а почувствовал — это вопрос жизни, и не чьей-то, а его собственной. Чтобы проникся мыслью: рядом с ним — такие же люди, со своей индивидуальностью, и всем вместе жить на одной земле. Чтобы кожей почувствовал: я — часть человечества, и от меня тоже зависит, что будет в будущем. Как добиться этого — вот задача.

Этери КЕКЕЛИДЗЕ.